

БРИТАНО-АМЕРИКАНСКИЙ ПРОЕКТ ТРИМОРЬЯ КАК СОВРЕМЕННЫЙ ФАКТОР МОРСКОЙ БЛОКАДЫ РОССИИ В ЧЕРНОМ И БАЛТИЙСКОМ МОРЯХ

Немцев Владимир Владимирович, Председатель Законодательного собрания Севастополя, профессор Севастопольского государственного университета.

Москаленко Ольга Александровна, кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Севастопольского государственного университета.

Ирхин Александр Анатольевич, доктор политических наук, профессор Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского (Республика Крым).

Сегодня на Западе многие говорят о мире, но начинают всё новые войны. Логическим объяснением такой внешнеполитической стратегии является феномен «ловушки Фукидида», описанный американским политологом Грэхамом Тиллетом Аллисоном в начале 2010-х гг. для падающего в войну мира, когда новая восходящая и укрепляющая свои силы держава угрожает вытеснить существующую великую державу, находящуюся в статусе международного гегемона. Метафора построена вокруг памяти о Пелопонесской войне между Спартой и Афинами в Древней Греции в период 431–403 гг. до н.э. В этой логике коллективный Запад как мировой гегемон, главной державой которого являются Соединенные Штаты, для сохранения своей гегемонии неизбежно навязывает конфликт Незападу, лидером которого является Китай со своей системой союзников. К слову, Г. Аллисон не только профессор и доктор политологии и философии, но и работал специальным советником министра обороны при президенте Р. Рейгане и заместителем министра обороны при президенте Б. Клинтоне.

В конкуренции империй прошлого и великих держав настоящего встречаются мировоззренческие проекты элит, которые не уходят в историю и не умирают, а переходят из одной системы мирового порядка в другую – иногда эти проекты насчитывают столетия.

К таким проектам можно отнести «Междуморье» или в современной реинкарнации – «Триморье» («Инициативу трех морей» – Three Seas Initiative, 3SI): военно-политический и экономический союз государств Восточной Европы, расположенных между Балтийским, Адриатическим и Черным морями, объединённых общей целью. Междуморье впервые появилось в Польше при диктатуре Юзефа Пилсудского в 1920-х гг. в результате Первой мировой войны и после распада Германской, Австро-Венгерской и Российской империй. Возрождение проекта произошло при первой каденции Д. Трампа, который лично посетил саммит «Инициативы» в 2017 г. Именно «дружественный» к России американский президент вдохнул вторую жизнь в исторический факт существования Междуморья, сделав его новым политическим проектом – Триморьем. Впоследствии к оживлению «санитарного пояса» сдерживания России активно присоединилась и Британия. Собственно, многие британские геополитические идеи, име-

ющие стратегическое и долговременное измерение в настоящее время реализуются Вашингтоном с заведомой зеркальностью и преемственностью.

Великобритания – один из самых активных игроков в украинском кризисе, имеющий давние интересы и претензии в Черноморском бассейне. В сфере критической геополитики эти интересы берут начало в британской героике Крымской войны. Увидеть их можно в рассуждениях британца Хэлфорда Маккиндера (1861–1947) и американца Николааса Спикмена (1893–1943) – в поисках ответа на вопрос «Кому должен принадлежать Черноморский бассейн: странам Хартленда (сухопутное пространство Евразии), державам, оперирующим морской стратегией (Великобритания и США), или Римленду (прибрежная «дуговая земля»)?» Напомним, что Н. Спикмен выводит Британию за пределы Римленда [1].

Взглянем на мировую карту Российской и Британской империй XIX в.: чем были Индия и Крымский полуостров для Британской короны и Российской скипетра? Значение этих полуостровов, врезающихся в Индийский океан и Черное море соответственно, трудно переоценить. В настоящее время, учитывая независимость Индии, ситуация изменилась незначительно: Крымский полуостров является ключевым пространством возрождающейся

России, Индия – важным звеном в сдерживании англосаксами Китая.

Каждая из геополитических схем Х. Маккиндера была функциональна для своего времени, причем с привязкой к британскому имперскому мировоззрению и формулам контроля над миром: Хартленд с сердцем в Афганистане – для середины и второй половины XIX – начала XX в., контроль над Восточной Европой – по итогам Первой мировой войны. В 1943 г. Х. Маккиндер вводит новую геополитическую ось – США, обозначая двупольный и блоковый мир [2].

В широком смысле современная «схватка» за Крым, реализуемая пока руками Украины – это отражение первой и второй схем Х. Маккиндера: в «Географической оси истории» (1904) он пишет, что англичане должны стремиться контролировать Центральную Азию, а в «Демократических идеалах и реальности» (1919) ключом к сохранению Британии как великой державы выступает Восточная Европа – от Балтийского до Черного моря. В 1919 г. термином «средний ярус Восточной Европы» он обозначил федерацию, которая простиралась бы от Балтийского моря до Адриатики и противостояла как Германии, так и России [3].

В промежутке между попытками контролировать постсоветскую Среднюю Азию и Восточную Европу происходит европейское, сейчас главным образом британо-французское, а вскоре и германское, моделирование нового механизма сдерживания России. Крымский полуостров, судя по политической карте, занимает центральное (по значению) место как в Балто-Черноморской, так и Черноморско-Каспийской проекции этой конкуренции и западной экспансии. Речь идет о закреплении итогов окончания холодной войны вне возможности их пересмотра Россией. При этом США, подобно «ладье в Мировом океане», отплывают от восточно-европейского военно-политического кризиса на Восток – к решению своих первоочередных задач: навязывание конфликта Китаю, сдерживание и ослабление Ирана.

Проект Триморья объединяет государства Адриатического, Балтийского и Черного морей. Современная британская геополитическая проекция Триморья основана на исторической памяти и геополитической логике (см. Рис. 1).

Первая встреча возможных участников проекта состоялась 29 сентября 2015 г. в Нью-Йорке на полях Генеральной Ассамблеи ООН. А уже год спустя

Рисунок 2. Расширение Триморья на 2025 г.

Рисунок 1. Проект Триморья в 2015 – 2020 гг.

– 25-26 августа 2016 г. – в хорватском Дубровнике состоялся и первый саммит. Проект изначально декларировался как неформальная платформа для встреч президентов с целью развития прагматического сотрудничества государств-участников. На момент шестого саммита, в июле 2021 г. Инициатива объединяла 12 государств Центральной Европы на пространстве от Балтийского до Чёрного и Адриатических морей. Членами её являлись Латвия, Литва, Эстония, Польша, Чехия, Словакия, Венгрия, Австрия, Словения, Хорватия, Румыния и Болгария. На такой состав стран-участниц с населением в 111 млн человек приходилась почти треть территории ЕС, а их средний ВВП на душу населения достигал всего 78% от среднего показателя по ЕС. В то же время темпы экономического роста в 12 странах в 2015–2019 гг. составили в среднем 3,5% по сравнению с 2,1% в Евросоюзе. МВФ тогда прогнозировал, что в странах Триморья в 2020 г. средний экономический рост составит 2,9%, а для ЕС в целом – 1,6% [4, с.24].

Многие исследователи видят корни данной концепции в польской идее «Польша от моря до моря» («Polska od morza do morza») и проекте «Прометейзм» [5; 6] – планы Ю. Пилсудского по созданию Междуморья, а затем и проект «Прометей» тайно поддерживались французской и британской разведками: вплоть до 1947 г. Великобритания финансировала и активизировала федералистское движение в Восточной и Центральной Европе, в том числе в формате основания в 1940 г. Центральноевропейского федерального клуба (CEFC), присвоившего концепцию Междуморья [7, с. 13–21].

Необходимо выделить и украинские геополитические корни Триморья, которые актуализируются и разворачиваются на практике в настоящее время. Речь идет об идеях украинской географической и геополитической мысли первой трети XX в. Так, по мнению С. Рудницкого, выдвинувшего проект создания Балто-Понтийской федерации в составе Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы, Белоруссии и Украины, мировое политическое значение Украины заключено в том, чтобы она своим геополитическим пространством останавливала экспансию России к Адриатическому и Эгейскому морям, к Передней Азии и Египту, сделала бы невозможной экспансию к Индии [8, с. 294].

Всё это отражает связь идей украинского мыслителя с решением британской геостратегической задачи XIX–XX вв., обозначенной Х. Маккиндером

Рисунок 3. Карта форматов Триморья.
Источник - Three Seas Initiative.

На теоретическом уровне А. Е. Вандам выделяет два принципа британской стратегии, которые кажутся устойчивыми в веках: «...уничтожить морские силы своих соперников и заперев последних на материке, – удерживать их на нем подвижными стенами своего могущественного флота» и «...наложение на континентальные народы особого рода оков balance of power, под которыми... подразумевается... решение Англии не допустить на континенте Европы сколь-нибудь опасного преобладания какой бы то ни было державы» [13, с. 239–240].

Новое возрождения Триморья начинается в 2015 г. как следствие активной политической позиции Польши (Балтика) и Хорватии (Адриатика).

Дальше инициатива стремительно расширяется. 13 государств Европейского союза и двух стран-партнёров: Австрия, Болгария, Венгрия, Греция, Латвия, Литва, Польша, Румыния, Словакия, Словения, Хорватия, Чехия, Эстония. С 2022 года в качестве партнёра-участника в инициативе выступает Украина. С 2023 г. – Молдова. С 2025 г. к проекту присоединились Черногория и Албания, а Испания, Турция и Германия выступают как стратегические партнёры.

Заявленная цель организации – установление регионального диалога по различным вопросам, затрагивающим государства-члены. Формат организации хорошо соотносится с коллективным подходом Североатлантического альянса и в рамках учений НАТО, таких, например, как «Steadfast Dart» («Стойкий дротик»), январь – март 2026 г.), операция НАТО «Восточный страж» («Eastern Sentry»).

И в теории, и на практическом уровне цели Триморья связаны с британо-американским механизмом «двойного сдерживания» своих врагов: России и Китая, и союзников: Западной Европы и Турции.

Интересной является позиция Германии, в стратегической культуре которой есть понимание этих механизмов «сдерживания» и «устрашения», применяемых союзниками по НАТО – США и Великобританией. Позиция Берлина в отношении Инициативы в течение нескольких лет эволюционировала от неприятия и критики к стратегическому партнёрству с данным геополитическим проектом. Более того, Германия становится локомотивом «сдерживания» РФ, судя по риторике её лидеров, программе ре-милитаризации и роли в учениях НАТО. Эту логику можно метафоризировать через стремление Берлина возглавить конкурентный проект своих союзников, направленный на контроль над ФРГ.

Позицию Турции следует охарактеризовать как схожую, но более сложную. Черное море является полузакрытым водоёмом за счёт Конвенции Монтрё в мирное время и как правило закрытым в период войн (по крайней мере так было в период ВОВ и в период СВО). Турция имеет свою военно-морскую стратегию (точнее, набор идей обобщенных в виде концепции «Голубая родина» – «Mavi Vatan») и претендует на доминирование в центральной и южной части Причерноморья и Восточном Средиземноморье, где у неё есть территориальный спор с Грецией в районе Додеканесских островов, которые блокируют выход Анкаре в Мировой Океан. Однако логика Турции основана на военно-морском

паритете с ВМФ РФ в Чёрном море, который ушёл в прошлое, но что необходимо обратить внимание: любые договоры – это отражение баланса сил. Пока еще Конвенция Монтрё отвечает интересам Турции. Все это не отрицает присоединение Турции к военно-морскому сдерживанию РФ на Балтике, о чем свидетельствует участие турецкого авианосца для беспилотников «Анадолу» в ходе учений НАТО «Steadfast Defender» в январе – марте 2026 г., которые можно рассматривать как отработку блокады и отсечения Калининградской области от Российской Федерации.

На данный момент можно констатировать, что Западом создана военно-политическая инфраструктура в виде объединения 13 государств в треугольнике между Балтийским, Черным и Адриатическим морями, с системой ассоциированных членов и стратегических партнёров, выходящая далеко за рамки региона, что придаёт организации масштаб глобального геополитического проекта, который может быть использована как плацдарм – при наступательной политике, или как санитарный пояс – при реализации оборонительной военно-политической линии. Как и столетие назад, Междуморье разделяет санитарным поясом Россию и Западную Европу, в первую очередь отсекая от России Германию, но в новом издании Триморье, по замыслу англо-саксонских элит, должно блокировать и экономическую экспансию Китайской Народной Республики.

В складывающейся геополитической ситуации РФ необходимо увидеть исторический опыт создания и преодоления санитарных «поясов сдерживания» вокруг неё. Трижды за последние 100 лет страны Междуморья переходили из одного военно-политического лагеря в другой: после Первой Мировой войны они становились «британо-французской прокладкой» между ослабленными поражением в мировом конфликте Советской Россией и Германией; после Великой Отечественной войны эти государства втягивались уже в российский пояс безопасности против атлантического Запада, а в период после холодной войны они вновь стали выполнять роль фактора сдерживания и блокады уже Российской Федерации. Исторический опыт показывает, что повторение силового сценария становится определяющим в преодолении механизмов враждебной изоляции России.

Кроме того, наступательность британо-американской политики, которую англосаксы всегда характеризуют как оборонительную (и здесь нет противоречий: разница между элитами, оперирующими сухопутной и морской стратегиями, появляется именно в пространстве принимаемых решений – то, что для нас характеризует экспансию, для них укладывается в логику превентивной обороны, потому как дальше – Мировой Океан и легкодоступность их сухопутного пространства), а мы как интервенционистскую политику, сильно актуализирует необходимость наличия у современной России мощного и дееспособного военно-морского флота, который способен преодолевать блокады и проводить конвойные операции для нашего торгового флота и служить в современных условиях разворачивающегося мирового конфликта фактором устра-

шения для соперников России. А также необходимость сохранения ВМФ таковым в межвоенный, то есть в мирный период развития нашего Отечества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Спикмэн Н. География и внешняя политика // Спикмэн Н., Шмидт К. Новая Атлантида. Геополитика Запада на суше и на море. – Москва : Родина, 2022. – С. 6–75.
2. Макиндер Х. Круглая Земля и обретение мира // Космополис. – 2007. – № 1 (20). – С. 119–132. – URL: <https://www.intelros.ru/index.php?newsid=357>
3. Ирхин А.А., Мурадов Г.Л., Москаленко О.А., Демешко Н.Э., Немцев В.В. Черноморский регион в условиях столкновения пяти глобальных геополитических проекций: Новороссии, Большого Черноморского региона, «Пояса и пути», Триморья и Турецкого мира // Регионоведение. – 2026. – Т. 34, № 1 (в печати)
4. Шишелина Л. Н. Триморье: постпандемическое пробуждение // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. – 2021. – № 4 (22). – С. 24–29. – DOI 10.15211/vestnikieran420212429.
5. The Three Seas Initiative. An Original Concept of Regional Cooperation in Different Approaches / ed. A. Orzelska-Staczek. – Warsaw : Institute of Political Studies of the Polish Academy of Sciences, 2004. – 228 p.
6. Павленко М. Г., Демешко Н.Э. Роль польских НКО в постсоветской трансформации Украины // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. – 2023. – Т. 9 (75), № 1. – С. 117–133.
7. Ларуэль М. Концепция Междуморья: от Пилсудского до Трампа. – Москва : Институт внешнеполитических исследований и инициатив, 2019. – С. 13–21.
8. Рудницкий С. Чому ми хочемо самостійної України? – Львів : Світ, 1995. – 416 с.
9. Макиндер Х. Географическая ось истории. – Москва : АСТ, 2023. – 352 с.
10. Дегоев В. В. Где и когда началась «большая игра»? // Россия в глобальной политике. – 2025. – Т. 23, № 1 (131). – С. 152–169. – DOI 10.31278/1810-6439-2025-23-1-152-169.
11. Немцев В. В., Ирхин А.А. Черноморские проливы – невидимые нити стабильности юга Евразии // Морская наука и техника. – 2025. – Вып. 25. – С. 10–13.
12. Москаленко О.А., Мурадов Г.Л., Ирхин А.А., Демешко Н.Э., Нагорняк К.И. Конвенция Монтрё после начала СВО. Статус-кво или денонсация: дискурс международных акторов и возможные геополитические последствия для Черноморского региона // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2023. – Т. 23, № 4. – С. 643–661. – DOI 10.22363/2313-0660-2023-23-4-643-661.
13. Вандам А. Наше положение // Фурсов А. Русские о главном противнике. – Москва : Наше завтра, 2022. – С. 239–240.